

Соколова А.Д.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА И НОВЫЕ ОБРЯДОВЫЕ ПРАКТИКИ

Изменение религиозных представлений – процесс, который очень сложно зафиксировать. В большинстве случаев такие изменения фиксируются лишь столетия спустя. Впрочем, иногда мы имеем уникальную возможность зафиксировать подобные трансформации «в реальном времени». Таковы трансформации похоронно-поминального обряда русских, которые мы можем наблюдать в последние 20 лет. Эти трансформации затрагивают и базовые религиозные представления о жизни, смерти, посмертном существовании и месте человека в мире, находящие отражение в обряде.

Прежде чем начать разговор о трансформациях похоронно-поминального обряда, необходимо отметить, что он опирается на наиболее архаичные и фундаментальные пласты верований и народной культуры, что обусловило его хорошую, по сравнению с другими обрядами жизненного цикла, сохранность. В целом, похоронный обряд является наиболее резистентным элементом традиционной культуры, что позволило ему сохраниться¹ в практически неизменном виде до начала XXI века. В то же время, похоронно-поминальный обряд не является постоянно актуальным знанием, он актуализируется ситуативно и для его поддержания необходима группа ритуальных специалистов.

В данной статье на полевых материалах из сельских районов Владимирской области мы рассмотрим основные группы трансформаций похоронного обряда, демонстрирующие изменения в базовых представлениях о посмертном существовании.

В последние два десятилетия на смену традиционным и привычным для сельского общества ритуальным специалистам

¹ За точку отсчета можно считать середину XIX в., когда похоронно-поминальная обрядность стала активно изучаться этнографами.

(священникам и бабушкам-читалкам), которым родные делегируют часть функций при осуществлении похоронного обряда, приходит группа актеров, не типичных для традиционной культуры и связанных с коммерческими организациями – это сотрудники похоронных служб, вступающие в непосредственный контакт с семьей умершего.

Первоначально идея делегирования части забот по организации и проведению похорон некоторой внерелигиозной институционализированной организации возникает в 1960-е годы, во время активной политики внедрения социалистической обрядности. Впрочем, процесс организации ритуальной сферы услуг не увенчался большим успехом – ритуальные бюро и/или магазины ритуальных принадлежностей если и появились, то только в самых крупных городах.

Отдельные, самостоятельные бюро ритуальных услуг в сельских районах Владимирской области появляются вскоре после распада Советского Союза – в начале 1990-х годов. В данный момент похоронные агентства предоставляют широкий спектр услуг, далеко не ограничивающийся непосредственно похоронами. Они осуществляют транспортировку тела в морг и на кладбище, обмывают и одевают покойного, продают и обивают гробы, продают венки, одежду для покойного, копают могилы, изготавливают и устанавливают памятники, в некоторых случаях – оказывают посреднические услуги в организации отпевания, продают религиозную атрибутику, осуществляют помощь в оформлении свидетельства о смерти и других документов. В обязанности некоторых агентств входит поддержание порядка на кладбище. Впрочем, в разных агентствах спектр предоставляемых услуг может отличаться¹.

Прошедшая в 2006 году реформа и централизация системы ЗАГС, значительно упростила доступ бюро ритуальных услуг к потенциальным клиентам, сделала их работу более экономически выгодной и расширила спектр предлагаемых услуг². Если раньше

¹ Полевые материалы автора (далее – ПМА).

² Подробнее о влиянии этой реформы на похоронный обряд см.: Соколова А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. – 2011, №15. – С. 187–202.

наиболее востребованной услугой была установка памятника на могиле, а также продажа искусственных цветов и венков, то сейчас в той же степени востребованными являются земляные работы на кладбище и транспортные услуги¹.

Похоронные агентства, стремясь предоставить семьям умерших наиболее полный пакет услуг «под ключ», часто включают в этот пакет, помимо прочего, и церковное отпевание. При этом, в целях экономии и вместо того, чтобы везти покойника из морга в церковь, агенты предпочитают приглашать священников для проведения отпевания непосредственно в помещении похоронного бюро. Агентство выступает как посредник, предоставляющий помещение, и удерживает часть стоимости услуги отпевания.

Такая ситуация является потенциально конфликтной, поскольку отпевание занимает важное место в структуре экономики прихода, расположенного в селах и малых городах². Более того, отпевания, проходящие в помещении похоронных служб, могут не учитываться в приходской бухгалтерии, а следовательно сумма, отчисляемая приходом в епархию, уменьшается. Несмотря на внешне структурное сходство отпевания в бюро ритуальных услуг с отпеванием на дому, оно, в отличие от последнего, действительно вызывает резкую негативную реакцию со стороны епархии, правящего архиерея и части клира (в основном – благочинных). Вот как описывает ситуацию один из священников Русской православной церкви:

«Мы до определенного времени не могли найти к ним подхода, потому, что они что хотели, то и творили. Доходило до безумия – что они там уже и отпевали даже. То есть они брали просто на просто записки, они даже записки брали – просто заупокойные записки. То есть приходят родственники – нам надо отпеть. Хотите мы еще записочки еще возьмем? Какие-то даже ставили подсвечники. И такие случаи тоже были, ну в самом там бюро ритуальных услуг. <...> То есть они брали записки за здоровье, за упокой, свечи продавали даже. Продавали церковную утварь»³.

При этом такая активность похоронных служб в религиозной сфере не связана с отсутствием церквей, то есть невозможно

¹ ПМА.

² Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 136–141.

³ ПМА.

говорить о том, что они заняли некую пустующую нишу в сфере услуг. Опрошенные благочинные свидетельствуют о том, что эта проблема существует не только в сельских районах с недостаточным количеством церквей и священников, но и в г. Владимир, где доступность священников вполне позволяет провести отпевание в церкви или на дому без существенных затрат на транспорт. По всей видимости, тот факт, что значительное число семей обращались за религиозной атрибутикой и услугой отпевания не в храм, а в ритуальное агентство говорит, с одной стороны, о крайне низкой связи широких масс населения с приходской жизнью¹, а с другой, о том, что отпевание воспринимается многими как формально необходимая ритуализированная процедура, религиозное содержание которой не находится в центре внимания.

Сложившуюся ситуацию можно рассматривать и под другим углом. В новых условиях свободного рынка Церковь вынуждена встраиваться в систему рыночных отношений. Такая ситуация чужда Православной Церкви как исторически, так и идейно. Немаловажным является и тот факт, что развитие рынка ритуальных услуг было стремительным, и Русская православная церковь не смогла своевременно выработать адекватных инструментов для сопротивления неожиданно появившимся конкурентам. Стоит отметить, что церковь и похоронный бизнес находятся во многом в разных социальных сферах, что затрудняет какое бы то ни было

¹ Об этом свидетельствуют и священники. Например, благочинный Суздальского городского и районного благочиния так оценивает количество прихожан в городе: «На примере нашего прихода – обрядов погребения у нас совершается не много в течение года. Прихожане нашего прихода, которые исповедуются, которых я хорошо знаю, они все приходят, прибегают к православному обряду при кончине своих близких. Что касается просто жителей Суздаля, то если в городе население города – около 12 тысяч, то сегодня в нашем храме было порядка 50 человек. Еще у нас есть кроме нашего прихода еще 5 приходов и 4 монастыря. Ну, там будем считать, было столько же. Значит, вот получается 300 человек в воскресный день было на службе. Из 12 тысяч 300 человек. И уж какими настроениями живет остальное население я не могу об этом судить. Да, ну может быть на праздник Рождества или Пасхи здесь будет раза в три больше. Ну, а по крайней мере люди уже воцерковленные и верующие, они как раз прибегают к этому обряду, как дополнение и к своему какому-то утешению и прежде всего утешения души усопшего.<...> По Суздалю процентов 50 прибегает к отпеванию. Это по моему ощущению» (ПМА).

ограничение деятельности похоронных бюро со стороны церкви. Трудности функционирования Церкви в системе рыночных отношений отмечают и священники:

«...Эти принадлежности остаются чисто церковными – погребальное покрывало, свечи, крест в руку, венчик, молитва – это все принадлежность церкви. В этом случае – те службы, которые изготавливают это все, им нужно как можно больше реализовать это все и распространить. Ну тогда они обращаются в те же ритуальные услуги [как к посредникам для продажи своих товаров – А.С.]. И были случаи, когда мы даже обращались к ним, что вы как бы довольствуйтесь тем, что вам как бы положено. Гроб – ваше. Все остальное церковное. Ну могила ваша, там услуги транспорта, самого человека, который копает, опускает в могилу, закапывает – это ваше. А все остальное... Ну тем не менее, трудно за всем этим уследить, здесь никакого соглашения в этом плане нет, такого доброго. Кроме недоумения, что люди берут на себя слишком много»¹.

Отметим, что сами похоронные агентства обычно не занимаются производством ритуальных атрибутов, а закупают их у производителей или более крупных посредников. Это касается как светской, так и религиозной атрибутики.

Несомненно, организация отпеваний в помещениях бюро ритуальных услуг невозможна без участия священнослужителей. Один из немногих способов, которым Церковь может ограничить вторжение похоронного бизнеса в церковную жизнь – это запрет священникам на проведение таких отпеваний со стороны правящего архиерея.

«Здесь еще ситуация была и со стороны отдельных священнослужителей неправильная. <...> То есть был такой “пакет” [у агентств ритуальных услуг – А.С.] - все, под ключ. Все-все включено.<...> “Мы хотим свечи поставить” – “Да”. – “Хотим записки подать” – “Да”. – “Сорокоуст заказать” – “Да”. – “Отпеть” – “Да”. То есть это было сотрудничество между отдельными священниками и вот этими бюро. То есть они находили каких-то священников.<...> То есть [священники – А.С.] приходили в ритуальные услуги,

¹ ПМА.

в морги даже приходили и отпевали там. Был запрет на такие действия и у нас один или два священника даже находятся сейчас под запретом в епархии, потому, что они ослушались этого запрета правящего архиерея и продолжали сотрудничать, то есть ходить в морги отпевать и в ритуальные услуги»¹.

В свою очередь работники похоронных бюро относятся к своей деятельности как к бизнесу и руководствуются в первую очередь коммерческой выгодой. Аналогичного отношения они ожидают и от священников:

«Он упускает свой личный заработок. В конце концов, у них кормление-то с треб. Вот, и зарабатывай деньги-то! А он начинает что-то другим священникам, которые согласны что-то палки в колеса. Это моя земля, там. (неразборчиво) А нам ведь насрать по большому счету – Иван ты будешь, или Филипп Филиппыч. Люди попросили – мы эту услугу предоставили. Все»².

Распространение и доступность услуг похоронных агентств вносит также изменения в обряды, связанные с подготовкой тела умершего к погребению. Услуги похоронных агентов, включающие морг, ритуальную косметику и бальзамирование легко находят своего потребителя. Высокий средний возраст сельского населения предполагает, что основные заботы по организации похорон ложатся на более молодых родственников, приезжающих из города. Несомненно, последним гораздо проще прибегнуть к услугам коммерческих агентов для подготовки тела к погребению. Впрочем, агенты, берущие на себя значительную часть подготовки к похоронам, не всегда следуют традициям народной религиозности. Если организации общественного питания при подготовке поминального меню всегда соблюдают локальные пищевые традиции, то похоронные бюро предлагают гораздо более стандартизированные перечень товаров и услуг. Одним из частых камней преткновения между представителями старшего поколения и их родственниками является так называемая *смертная одежда*, поскольку одежда для покойника, продающаяся в бюро ритуальных услуг не соответствует народным представлениям о том, в какой

¹ ПМА (О. Артемий Студентов, благочинный Селивановского и Меленковского благочиния).

² ПМА.

одежде надлежит отправляться человеку в посмертный путь.

Особую актуальность эти проблемы приобретают в том случае, если умершего отвозят в морг, например, для проведения патологоанатомического исследования. Если тело покойного по той или иной причине находилось в морге, родственники не участвуют в подготовке тела к погребению. Этим занимаются работники морга или похоронного агентства. При этом, в зависимости от желания и материальных возможностей семьи, тело может либо 1) доставляться домой в середине второго дня, либо 2) в день похорон в дом покойного или к его дому, либо 3) непосредственно на кладбище. Второй вариант наиболее распространен. Такая схема действует не только в сельской местности, но и, по утверждению респондентов, в г. Владимире. В этих случаях из обряда выпадает ряд наиболее важных действий и соответствующих акторов: обмывание покойника локальным специалистом с использованием обрядовых предметов, а также утилизация этих обрядовых предметов, и чтение *читалками* Псалтыри. При этом, если обмывание в традиционных формах выпадает полностью, то чтение Псалтыри может либо вообще отсутствовать, либо происходить в усеченной форме.

Желание доставить тело из морга в дом покойного на второй день (1) можно рассматривать как своеобразный компромисс между необходимостью вскрытия тела и стремлением к сохранению традиционного похоронного обряда. Это особенно важно в свете того, что, по представлению местного населения, в отличие от отпевания, которое может быть совершено заочно, чтение Псалтыри может происходить лишь тогда, когда гроб с телом находится в доме: «Тогда не вскрывали. Его обмыли и положили - пожалуйста – молиться можно. А так жди – на третий день когда вскроют. Ждешь-ждешь, когда его привезут... без гроба-то молиться не будешь»¹. Отметим, что чтение Псалтыри над усопшим является важным обрядом в процессе перехода человека из мира живых в мир мертвых. Впрочем, в силу больших транспортных расходов, этот вариант не очень популярен.

Стоит отдельно отметить, что в некоторых районах в настоящее время по распоряжению органов внутренних дел проводится

¹ Полевые материалы Елены Воронцовой.

патологоанатомическое вскрытие всех умерших с целью предотвращения случаев насильственной смерти пожилых людей. По свидетельству населения, работников морга и похоронных агентств, не делается исключения даже для пожилых и давно болеющих людей; лишь в единичных случаях это вызывает ожесточенный протест, так что родственникам удавалось, апеллируя к религиозным мотивам, не допустить вскрытия пожилых людей. Остальные, как правило, оценивают сложившуюся ситуацию как неизбежное зло. Во всяком случае, мы не можем зафиксировать массовых протестов, несмотря на явное противоречие традиции. В интервью с жителями района видно, что они не рассматривают традиционные практики как актуальные. На прямые вопросы о тех или иных элементах похоронного обряда, утраченных в связи со сложившейся ситуацией (например, комплекс обмывания), стандартный ответ имеет вид «теперь этого уже нет, теперь все в морге»¹. Значительную проблему отвечающие видят лишь в невозможности заочного чтения Псалтыри и невозможности полностью проконтролировать (в некоторых случаях) одежду для покойника. Респонденты не рассматривают этот вопрос как первостепенный. Это видно по тому, что при разговоре о традиционной похоронной обрядности информант зачастую не затрагивает эту тему без специальных вопросов со стороны интервьюера. Подчеркнем, что во многих случаях речь идет о крайне малых локальных группах местного населения, состоящих порой из трех-пяти пожилых людей, которые физически едва ли в состоянии самостоятельно реализовать традиционный обряд в полной мере в ситуации, когда более молодые родственники, приезжающие из города, не выражают желания взять на себя разрешение этой проблемы.

В ходе реформирования системы ЗАГС и развития похоронного дела создаются условия, при которых тело покойного непосредственно после установления факта смерти попадает в морг, где без участия родственников проводится его подготовка к похоронам. Из всех похоронных забот родственникам остается только заказать обивку для гроба, цветы и венки. Таким образом, важнейшая часть похоронного обряда проходит как бы «без

¹ ПМА.

покойника», что нарушает структуру и смысл похоронного обряда как обряда перехода. Согласно А. ван Геннепу, похоронный обряд распадается на две стадии - отделение покойного от общности живых людей, его родственников и близких, и включение его в общность умерших предков. Первый этап включает в себя обряды обмывания тела, одевания, положения в гроб, прощания, вынос тела. Чтение Псалтыри отмечает лиминальную фазу, когда произнесение у гроба священного текста оберегает душу умершего в сложный переходный период¹. Инновации в погребальном обряде, обусловленные внешними по отношению к традиции факторами, затрагивают как раз эти наиболее важные стороны обряда. Такой легкий отказ от практики чтения Псалтыри свидетельствует о коренных изменениях в религиозных представлениях о смерти и умирании.

Наряду с появлением новой группы ритуальных специалистов и связанными с этим изменениями структуры похоронного обряда, происходят определенные трансформации и в области его материальной части, репрезентирующей представления о посмертной участи усопшего и долга живых по отношению к нему. Еще одним свидетельством коренных изменений в системе концептуализации и переживания смерти близких, произошедших в последние десятилетия, стали практики, не свойственные традиционной культуре русских, но уже приобретшие определенные черты новой традиции. В рамках данного исследования мы остановимся подробно на одной из них – новом обычае устанавливать особые памятные знаки на местах гибели людей в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП)².

¹ Геннеп А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 135–150.

² В основе данного раздела лежит материал, собранный автором совместно с А.Б. Юджиной во время полевой работы во Владимирской и Тульской областях осенью 2010 года. Сбор материала велся по двум основным направлениям: фотофиксация памятников и работа с информантами. При сборе фотоматериала было предпринято обследование обочин и придорожных территорий на основных автомобильных дорогах Меленковского, Селивановского, Собинского и Судогодского районов Владимирской области (в том числе федеральная трасса М-7 «Волга», региональные трассы Р-72, Р-76, Р-125, и др.) и Белевского, Веневского, Донского, Дубинского, Ефремовского, Кимовского

Установка памятных знаков в местах неестественной, внезапной гибели человека - достаточно распространенная практика в прошлом и настоящем. Она фиксируется в разных частях мира в разные годы. Применительно к русской культуре – это часовни и обетные или памятные кресты, которые часто ставились на месте смерти человека в пути или недалеко от того места, где кто-то утонул, был убит разбойниками и т.д. Разновидностью памятного знака такого рода, вероятно, можно считать кучи из ветоши, мусора и веток, которые накидывали люди, проходящие мимо места смерти так называемого *заложного* покойника¹.

Впрочем, при сопоставлении феномена особого отношения к покойникам, погибшим в ДТП с нормами «традиционной культуры», бросается в глаза тот факт, что для «традиционной культуры» данный тип покойников неизбежно оказался бы в числе так называемых нехороших, заложных² (если следовать Д.К. Зеленину) покойников. Согласно Зеленину, основным критерием для отнесения к этой группе являлась неестественная, досрочная, смерть человека, в результате чего он становился вредоносным, ходячим покойником³. В отношении покойников такого рода действовали строгие и четкие правила. Первоначально, по-видимому, таких покойников не хоронили на кладбище и вообще не предавали земле⁴. Со временем, под влиянием православия, данная норма изменилась: людей,

районов Тульской области (в том числе федеральные трассы М-2 «Крым» и М-4 «Дон», региональные трассы Р-92, Р-95, Р-114, Р-132, Р-139, Р-141, Р-142, Р-145, Р-148, и др.) в рамках этнографического исследования по теме «Сакральное пространство памяти Центральной России: памятные знаки на местах внезапной гибели» 21-28 сентября и 03-07 ноября 2010г. В результате было зафиксировано 39 и 99 объектов в двух областях соответственно. Также были опрошены жители населенных пунктов, в черте которых установлены кенотафы, работники бюро ритуальных услуг и профессиональные водители. Эти данные дополняются отдельными фиксациями из Воронежской, Калужской, Кировской, Пермской области, Москвы и Московской области, а также Таджикистана и Узбекистана. Помимо этого значительный объем информации был получен при проведении опроса в сети Internet, в котором поучаствовало более восьмидесяти человек.

¹ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – С. 63–70.

² Там же. С. 40–41.

³ Там же. С. 42–43 и 46–48.

⁴ Там же. С. 94–95.

умерших неестественной смертью, за исключением самоубийц, стали хоронить на кладбищах с совершением всех церковных обрядов. Несмотря на обрядовый компромисс, достигнутый между церковью и обществом, особенности отношения к умершим неестественной смертью, вытекавшие из представления об их вредоносности, сохранились вплоть для наших дней. В частности – это подтверждается случаями выкапывания во время засухи «плохих» покойников, похороненных на кладбищах, описанными Д.К. Зелениным в первой четверти XX века¹.

Отдельно следует сказать собственно о практиках поминовения людей, умерших неестественной смертью. Согласно Зеленину, они лишены обычного христианского поминовения, при этом – самоубийцы лишены его полностью, а остальные – отчасти². При этом, существует особый день для поминовения покойников именно этого типа – это коллективное поминовение и заупокойная служба в Семик³. Отметим, что по церковным канонам специального дня для поминания самоубийц не было.

Надо отметить, что в целом такие покойники были крайне нежелательным явлением, поскольку по народным представлениям могли вредить оставшимся в живых в течение многих лет после смерти.

В свете сказанного становится ясно, что для человека традиционной культуры было совершенно не свойственно афишировать каким-либо образом наличие «плохого» покойника. Напротив, его старались не хоронить вместе со всеми, не поминать в обычные дни поминовений и т.д.

В противоположность этому, вокруг людей погибших в ДТП в наше время складывается обширный комплекс поминовений, едва ли не более пышный, чем для обычных покойников.

Помимо установки памятного знака, на месте аварии реализуется целый комплекс поминальных мероприятий, о котором мы можем судить по следам материального присутствия у кенотафа⁴. Во-первых,

¹ Там же. С. 100–109.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 129–134.

⁴ Говоря о памятных знаках на местах автомобильных аварий мы будем использовать термин «кенотаф» (от греч. κενός — пустой и τάφος — могила), хотя

мы можем с уверенностью говорить о том, что значительная часть памятных знаков регулярно посещается. При этом посещаемость кенотафов не зависит от того, как давно произошла авария. Есть знаки, которые были установлены 15-20 лет назад и посещаются до сих пор, а есть совершенно новые заброшенные кенотафы.

Одной из существенных типологических черт кенотафов является значительная разница между кенотафами, расположенными в населенных пунктах и за их пределами. Во многом она обусловлена общей структурой пространства и устройством жизни в городе (или более мелком населенном пункте) и за его пределами. В городе редко бывает возможность установить памятник, а тем более создать мемориал, и родственники ограничиваются искусственными цветами. Одновременно с этим, отличается и поведение людей, посещающих место аварии в городе и на шоссе. Если на шоссе - это комплекс практик, аналогичных практике посещения могилы на кладбище (покос травы вокруг памятника, поминание водкой, конфеты, сигареты у памятника, подновление памятника), то практики при посещении места аварии в населенном пункте более упрощенные: родственники обновляют цветы и венки, могут скосить траву вокруг памятного знака, раздать конфеты людям, живущим неподалеку, но не будут оставлять у знака конфеты, яблоки, сигареты или поминать погибшего стопкой водки.

Особый интерес представляет отношение православного духовенства к практике установки памятных знаков на местах автомобильных аварий. Все опрошенные нами священники высказались о ней негативно. Показательно, что ни один из них не провел параллелей между данной практикой и старым обычаем установки памятных и обетных крестов. С их точки зрения, ставить кресты (не говоря о простых памятных знаках) на обочинах дорог бессмысленно, поскольку молитва об усопшем, какой бы смертью он ни умер, должна совершаться в храме.

«Все-таки основная молитва совершается в храме об усопшем.

далеко не все памятники этого типа являются кенотафами в прямом смысле этого слова, то есть не имитируют могилу. Подробнее о классификации памятных знаков на местах автомобильных аварий см.: Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. – 2012, №2. – С. 150–164.

Вот икона стоит, вот распятие, где должно совершаться. Потому, что в таком случае как раз эта молитва и услышана Богом. Но есть еще кладбище, где покоится само тело. А вот где произошло, место, ну это с одной стороны – место трагедии, зачем это обозначать для всех, когда это касается только тебя? <...> Это просто бессмысленно. А уж плохо или хорошо – по крайней мере... некоторые например ставят не только кресты, есть чуть ли даже не часовни! К нам обращались в церковь¹, что вот есть например человек, что вот он поставил часовню в виде беседки, что вот он выкупил ли, получил разрешение на 5 квадратных метров территории, согласовал со всеми, поставил эту беседку, и вот когда он по этой дороге едет, он видит эту беседку, всегда останавливается, сидит там, вспоминает... Ну ты с таким же успехом можешь вспомнить это в своих утренних молитвах об упокоении души. Ты приходи в храм, в родительскую субботу, помолись об этом человеке. Вот это будет тебе полезно и нужно для этого усопшего, а никак не то, что там есть часовня и ты можешь там присесть на этом месте и что-то там вспомнить. И это только если еще не осквернишь это какими-то различными винопитиями или еще. То есть в этом смысла совершенно никакого нет и это совершенно не нужно, потому, что есть кладбище, где тело и есть храм, где есть молитвы»².

Единственная цель, которой могут служить такие знаки – это предостережение другим водителям, хотя и это не оправдывает стихийную установку крестов на придорожном полотне:

«Я не буду говорить о церковной позиции. Этот вопрос еще не освящен. Скажу свое собственное мнение. С одной стороны, это может быть каким-то предостережением, но я не думаю, что это место, где надо все это ставить. Я думаю, что есть все-таки место – кладбище, место последнегно покаяния. Есть храмы. <...> А там, в таких местах, люди ставят, а он-то должен освящать этот крест. А он не освящается. Я не думаю, что это место такое. Тут по другому как-то нужно. Чтобы люди поняли, что автомобиль – это средство повышенной опасности»³.

¹ По свидетельству о. Владимира (Иванова) секретаря Владимирской и Суздальской епархии, за последние 20 лет было три-четыре подобных обращения (ПМА).

² ПМА.

³ ПМА.

Отдельным вопросом, не вполне проясненным на имеющемся материале -- является вопрос о том, какие представления стоят за практикой установки и посещения родственниками кенотафов? С одной стороны, очевидно, что памятные знаки на местах внезапной гибели в автомобильных катастрофах не совпадают с местом захоронения тела, что напрямую противоречило бы федеральному закону №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»¹. С другой стороны, родственники и близкие умерших устойчиво ассоциируют место аварии с посмертным существованием умершего, о чем свидетельствуют параллели в практиках посещения кладбищ и кенотафов: так же как и на кладбище туда приносят еду, питье и сигареты в поминальные дни.

Таким образом, мы видим, что из опасных, вредоносных покойников, поминовение которых сводится к минимуму, жертвы ДТП превращаются в особо почитаемых покойников, которые не просто поминаются наравне со всеми остальными, но и удостаиваются «двойного» поминовения – и на кладбище, и на месте гибели. При этом в большом числе случаев можно говорить о том, что материальных следов поминовения, оставляемых у кенотафа, гораздо больше, чем при обычном поминовении на кладбище.

С известной уверенностью можно утверждать, что культура переживания скорби, связанной с потерей близкого человека, в современном обществе во многом утеряна. Как известно, во всех системах традиционного уклада время траура строго регламентируется, и, каким бы он ни был глубоким, рано или поздно он должен закончиться, после чего человек, понесший тяжелую утрату, возвращается к нормальной социальной жизни. В этом, в частности, состоит смысл похоронно-поминального обряда как обряда перехода. Одним из результатов трансформаций представления о частной смерти, произошедших в советское и постсоветское время, возможно, связанных с советской атеистической пропагандой и некоторой девальвацией идеи посмертного существования, стало ослабление культурного запрета на «бесконечный траур». В результате в некоторых случаях, связанных с особенно сильными

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // [Электронный ресурс]: Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/1996/01/12/zakonopogrebenii-dok.html>, дата обращения 21.01.2013.

эмоциональными переживаниями, такими как, например, внезапная гибель молодого человека в ДТП, культурные ограничения перестают действовать и вместо прекращения траура создается настоящий культ погибшего человека.

С другой стороны, можем с уверенностью говорить о том, что для современных россиян характерен феномен «материализации скорби». Раньше основным каналом для переживания скорби были нематериальные, духовные практики, такие как индивидуальная молитва, участие в церковных службах, общее поминовение. При этом даже в случае материального поминовения, такого, например, как поминки или христосование с умершими на кладбище на Пасху, в качестве материальной составляющей поминовения фигурировала еда, которая либо полностью съедалась участниками поминовения, либо на могиле оставлялась небольшая, символическая часть трапезы. В данном случае в основе такого поминовения лежит идея совместной трапезы живых и умерших членов рода для восстановления связи между ними¹, идея наделения умерших «долей»². Впрочем, при этом идет речь о хороших «покойниках-предках», а не о потенциально вредоносных покойниках, умерших неестественным путем.

В настоящее время, по-видимому, навык переживания скорби через духовные практики во многом утерян. Это может быть также связано с атеистической пропагандой и отсутствием у нескольких поколений, сформировавшихся в советское время, религиозного навыка переживания кризисных ситуаций. В то же время, значительно возросло материальное поминовение усопших, что выражается в более дорогих, массивных и сложно-декорированных памятниках на кладбищах³, большом количестве материальных объектов и продуктов питания, которые оставляют на могилах и дорогостоящими поминками с изобилием еды. По всей видимости, это свидетельствует не только об утере навыка переживания смерти, но и о том, что происходят определенные изменения в концептуализации идеи смерти и посмертного

¹ Геннеп, А., ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. С. 150.

² Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – С. 265–276.

³ Матич О. Успешный мафиозо — мертвый мафиозо: культура погребального обряда // Новое литературное обозрение. – №33 (1998). – С. 75–107.

существования. Необходимость оставить на могиле или памятном знаке на месте гибели в автомобильной аварии еду, сигареты, вещи, игрушки и т.д. в большом, явно не символическом количестве¹, не может быть интерпретировано иначе как вещи, оставленные для покойного². При этом в случае с памятными знаками на местах внезапной гибели, «приношения» к кенотафам дублируются приношениями непосредственно на могилу. Таким образом, посмертное существование человека в равной степени связано как с местом его гибели, так и с местом захоронения.

Таким образом, в эволюции современной похоронной культуры выделяется два основных вектора: (1) постепенный отход от традиционных форм обряда, связанных с утерей навыка духовного переживания скорби, культивация «вечной скорби», и (2) тенденция к внешней материализации траура, влекущей за собой вынос его в публичное пространство, и, как следствие, появление новых публичных и даже массовых практик поминовения и мемориализации усопших.

В постсоветский период мы не отмечаем целенаправленного идеологического влияния на похоронный обряд, однако появляются мощные факторы совершенно нового порядка, уникальные для отечественной истории. Похоронный обряд в досоветской и советской России находился в достаточно жестких рамках нормативного регулирования сначала со стороны государства, церкви и сельской общины, а затем со стороны коммунистической партии и советского государства в рамках атеистического духа этих институций. Это вызывало строгую регламентацию действий всех участников похоронного обряда. Например, участие священников в похоронном обряде в досоветскую эпоху было, по крайней мере теоретически, обязательным, а в советское время – напротив, затруднено, а часто и исключено. В постсоветскую

¹ Для наглядной демонстрации количества продуктов питания, которые оставляют у кенотафа приведем список того, что мы обнаружили у кенотафа №33. Бутылка с соком, яблоко, пятнадцать леденцов (разных в разных местах), шоколадные драже, шоколадные конфеты, керамическая чашка с остатками заварки и чая, «Киндер молочный ломтик», три сигареты.

² Отметим еще раз, что большая часть кенотафов расположена у автомобильных дорог далеко за пределами населенных пунктов, поэтому рассматривать эти вещи как милостыню не представляется целесообразным.

эпоху похоронный обряд оказался вне рамок целенаправленного вмешательства государства и общественных институций, но вошел в сферу действия рыночных отношений, которые в предшествующие эпохи не оказывали определяющего воздействия на структуру похоронного обряда. Одновременно государство перестает контролировать религиозную жизнь, в том числе соучастие церкви и священнослужителей в различных похоронно-поминальных действиях. Как следствие, церковное отпевание не только перестало быть рискованным, но и стало доступным для всех верующих.

Традиционная культура русских связана с крестьянским типом хозяйства, и его наличие, в свою очередь, является условием воспроизведения традиционной культуры. В советский период, несмотря на серьезные социальные потрясения в жизни общества, такие как коллективизация, форсированная насильственная секуляризация, политические репрессии, война, а также индустриализация и резкий рост урбанизации, в сельской местности сохранился, пусть в усеченном виде, традиционный крестьянский уклад, а также - религиозное сознание и чувство социальной общности, которое наиболее ярко проявлялось в обрядовых мероприятиях, а особенно в похоронном обряде. В переломные постсоветские годы произошло дальнейшее радикальное разрушение деревенского уклада, что и привело к описанным выше изменениям похоронного обряда в сельской местности. Теряя свою базу, похоронный обряд утрачивает важные составляющие. Одновременно в городах формируются новые социальные общности и новые обрядовые практики. Некоторые из этих форм (как, например, спонтанные коллективные мемориалы) появились недавно, но для соответствующего слоя общества они уже стали традицией. Скорость создания спонтанных мемориалов и типичность их содержания убеждают в том, что мы имеем дело с процессом становления новой традиции.